

Пастернак Борис
Леонидович

16.03.04

Газета 2004 — 16 марта с. 13

“Говорить о своем отце как о гениальном поэте несколько неловко”

Евгений и Елена Пастернак — Газете

Издательство «Слово» начало выпуск первого полного собрания сочинений Бориса Пастернака. На сегодняшний день готово только два тома — остальные девять появятся к следующей весне. О работе над подготовкой собрания корреспонденту Газеты **Наталье Кочетковой** рассказали сын поэта Евгений Пастернак и его жена Елена.

Когда вы впервые задумали подготовить полное собрание сочинений Бориса Пастернака?

Евгений Борисович: Идея издать полное собрание сочинений появилась сорок лет тому назад, но сделать это тогда было абсолютно невозможно. Импульсом к тому, чтобы сделать собрание, которое сейчас начало выходить, стало предложение издательства «Сло-

Словесно

«Он не скрывал, что не допускает никого к своим литературным делам. А мне он просто говорил, что «всем этим ты будешь заниматься, когда меня не будет, а пока я жив — я буду это делать сам»
Евгений Пастернак — Газете

«говорить о своем отце как о гениальном поэте несколько неловко» Евгений и Елена Пастернак — Газете

401 СТР

Почему?

Е.Б.: Потому что денег не было. Группа не могла работать на одном энтузиазме. А тут издательство «Слово» предложило нам выпустить полное собрание. Академическое мы издать не можем — для этого не обходимы специальные исследования, комментарий должен превышать текст в несколько раз. А издание, которое мы готовим сейчас, главным образом рассчитано на то, чтобы дать полный текст Пастернака в том состоянии, в каком он его оставил, когда в 1960 году его не стало.

Но даже в этом издании комментарий радует глаз своей полнотой...

Е.Б.: Это благодаря Елене Владимировне, которая хотела писать комментарий еще к тому «Библиотеки поэта», в 1965 году, но тогда задачи текстологические были еще важнее. А уже со следующего издания, с двухтомника 1981 года, она каждый раз писала комментарии, и каждый раз ей вместо десяти листов давали полтора, и она чувствовала себя очень этим ограниченной. Это выглядело как вешалка для платьев, на которой остались одни крючки.

Елена Владимировна: Зато описание рукописей, автографов у разных людей, в разных собраниях делал главным образом Евгений Борисович. Он ездил по разным архивам, государственным и частным, и потом это нужно было переводить в определенную схему.

ность, которая для нас драгоценна, и она будет существовать всегда. Рукописи ведь находятся после сотен лет. Мы еще написали биографию отца.

«Материалы для биографии»?

Е.Б.: Сначала были «Материалы...», а потом биография издания 1996 года. «Материалы...» писались еще до публикации романа «Доктор Живаго», и мы даже не знали, разрешат ли нам упоминать роман.

Е.В.: Там не было вранья, но нет многого. Нельзя было говорить о репрессиях и об отношении к ним Бориса Леонидовича, о «Докторе Живаго» сказано очень конспективно. Совсем нельзя было умолчать, но мы не знали, как к этому отнестись. Союз писателей продолжал говорить, что этот роман никогда не будет у нас опубликован. Поэтому в «Материалах...» последний период сделан очень кратко. А к 1996 году, когда появилась возможность ездить за границу, получить тамошние письма, узнать об истории печатания романа, был основательно дополнен последний раздел.

Е.Б.: Сейчас в Питере вышла сокращенная версия биографии, которая называется «Жизнь Пастернака. Документальное повествование» (издательство «Звезда»). Текст сокращен в три раза, но главное сохранено. Я надеюсь, что такая же версия будет одиннадцатым томом полного собрания сочинений.

сту. Когда такие вещи попадают, мы их прямо называем.

Е.В.: В большой серии «Библиотеки поэта» и пятитомнике такого рода домыслы нам не позволяли делать, так как объем был очень сжат.

Как известно, поэт, переиздавая свои произведения, вносил в них правку. Какой именно текст в данном случае вы принимали за канонический?

Е.Б.: Мы учились у удивительных текстологов. Первым из них Юрий Михайлович Лотман — он учил нас читать черновики и разбирать места под зачеркнутым. Дальше — Дмитрий Сергеевич Лихачев и особенно Лидия Дмитриевна Опульская-Громова — знаток текстологии Толстого, доктор филологических наук, которая смотрела наши решения по двухтомнику 1981 года и по пятитомнику. Дело в том, что Пастернак жил в условиях несвободной печати, поэтому особенно важно понять, когда возникает изменение текста не авторское, а напечатанное извне. Таковы варианты военных стихов, которые редактировались в газетах, таковы варианты сборника 1957 года, который делался Николаем Васильевичем Баниковым. Палочка стремилась их менять, потому что язык изменился, время изменилось, появлялись варианты, которые потом оспаривались по телефону. Этот телефонный текст мы не можем принять за канонический. Принимается во внимание та редак-

сводный образ двух персонажей — Веры Буданцевой (Ильиной) и Марины Цветаевой, поэтому вступление и последняя глава «Спекторского» написаны позже и в первоначальный замысел, вероятно, не входили. Марина Ивановна, после своей эмиграции вернувшись в Москву и будучи у Тагеров, подчеркнула в экземпляре «Спекторского» описание квартиры Ильиной и отметила на полях, что это похоже на ее квартиру в Борисоглебском.

Насколько была возможна для Пастернака автоцензура, вынужденная правка под влиянием обстоятельств?

Е.Б.: Каждый раз, когда Пастернак касался своего текста, он стремился его переработать. Он думал о читателе как о части своего художественного замысла. Он знал, что время, когда писались его первые книги, давно прошло и уже нет того языка, на котором тогда говорили. Появился более простой, обиходный, менее литературный язык, на котором ему хочется снова заговорить с читателем. Если бы ему дано было составить свое собрание сочинений при жизни, то тексты подверглись бы непредвиденным изменениям. Но он был лишен этого счастья, и когда Жаклин де Пруайяр заговорила с ним о полном собрании, которое готовилось тогда в Мичиганском университете и вышло под редакцией Глеба Петровича Струве и Бориса Филиппова, он отнесся к этому как к задаче, которую им доверяет.

Е.В.: ...Перечисление через запятую штампов тогдашней поэзии.

Е.Б.:

«И Ленин, и Сталин,
И эти стихи,
Железо и порох
Загладят вверед,
И звезды, которых
Износ не берет...»

Здесь нужно особо сказать об этих звездах. В год, когда было написано стихотворение, на кремлевских башнях были поставлены золоченые звезды с хрустальными камнями. Все газеты писали, что они простоят несколько тысяч лет. Их заменили красными буквально лет через пять. Это стихотворение на грани издевательства и написано по газетному заказу в 1935 году после съезда писателей. Бухарин поставил себя под удар, сделав на съезде доклад о том, что Пастернак великий поэт, и Пастернак вот так отписался.

Е.В.: Потом была еще защита Мандельштама, которую сейчас выворачивают так, будто Пастернак его предал, а в действительности благодаря этой защите тот смог прожить еще два года. Вот стихотворение «Зима приближается». Строчки «по прихоти неба капризного» — неба, то есть Бога, — Борис Леонидович заменил на совершенно нелепые «слезы ребенка капризного», которые неясно откуда взялись. Мы нашли рукопись и первую публикацию в газете, где правильный текст. Там была еще одна вычеркнутая строка (читает по комментариям во втором томе собрания сочинений): «Меня просили, — написать что-нибудь к Октябрю, и видите, как Ваш дом и город стоят передо мной и живут во мне. Конечно, «Всего нам на свете родимей» звучит несколько неестественно и не может заглушить слышимого за ним «дороже» («Всего нам на свете дороже»). Но строчка «И наши октябрьские рожи» была бы, наверное, нецензурна». Ему часто говорили люди, которые его любили, что критика, переходящая в политические обвинения, исчезнет, если написать сейчас какие-нибудь стихи о комсомоле; но он на это не пошел.

Е.Б.: Причем начинается это с очень хороших футуристических стихов, написанных по заказу Боброва для альманаха «Руконого». Моя мама говорила, что если Боря знает, что ему нужно сказать, то лучше его никто в мире не скажет.

Вам было около семи, когда ваши родители расстались. Каким вы запомнили отца тогда — ведь это был взлет его популярности у читателей?

Е.Б.: Взлет общественной популярности Пастернака был позже — это 1930-е годы, когда его хотели поставить на место Маяковского, от чего он решительно отказался, причем в личном письме к Сталину. Оно опубликовано. В те годы, когда я был маленьким, была литературная среда, вернее не среда, а четверги. По четвергам вечером у моих родителей собирались гости и бывали вечеринки, даже с танцами. Приходили Маяковский, Асеев, Тихонов, когда он был в Москве. Больше я это помню, конечно, по рассказам моей мамы. У нас была только одна комната, и меня укладывали в соседней, где жили мои дядя и тетя. Но уже после того как родители расстались, для меня в жизни было главное видеть моего отца, разговаривать с ним. Он приходил к нам каждую неделю. В более поздние годы это прерывалось моими отъездами, когда я служил в армии, его работой. Я очень ценил его время и не злоупотреблял им. В семье Зинаиды Николаевны (Нейгауз. — Газета) ее мальчики не смели шуметь, когда Пастернак работал или когда он спал. Она заболела о нем, а он, в свою очередь, заболел о ней и ее детях.

Тогда он поручал вам какие-нибудь литературные дела?

Е.Б.: Нет, он не скрывал, что не допускает никого к своим литературным делам. Только Ольгу Всеволодовну Ивинскую в последние годы, когда у нее была доверенность на издательские дела. А мне он просто говорил, что «всем этим ты будешь заниматься, когда меня не будет, а пока я жив — я буду это делать сам».

Вы закончили Академию бронетанковых и механизированных войск, ваш брат Леонид был физиком. Почему у сыновей поэта оказались такие точные, практические профессии? Отец как-то влиял на выбор или это оказалось вашим личным призванием?

Е.Б.: Это не было призванием — это был выбор, потому что мы понимали, что занимаясь каким-либо гуманитарным делом в стране узаконенной лжи невозможно. И отец одобрял, что мы выбрали точные науки. В 1960 году из издательства «Искусство» пришли первые корректуры переводов, и кому-то надо было их вычитывать. С этого все и началось. Нужно было составлять сборники. По началу сборник 1961 года составлял Сурков, чем довел Зинаиду Николаевну до инфаркта. Пришлось вместе с ней дополнять этот сборник, который был ужасно составлен. А после ее смерти в 1966 году нам пришлось это делать самостоятельно. В 1975-м я оставил свою техническую деятельность, и в 1977-м меня взяли в Институт мировой литературы младшим научным сотрудником, а был я доктором, кандидатом технических наук.

Е.В.: ...Только на одну тему — Пастернака и только в рукописный отдел.

Е.Б.: Но я этому очень рад.

газета

первый наследник Пастернака

Евгений Пастернак — сын поэта от первого брака с художницей Евгенией Лурье. Несмотря на творческие корни он выбрал для себя точные науки — окончил Академию бронетанковых и механизированных войск (1946). Такое решение было одобрено отцом — ведь так было легче избежать столкновений с идеологией и цензурой. После смерти Бориса Пастернака в 1960 году он начал заниматься литературным наследством отца, а с 1975-го оставил техническую деятельность и был принят в Институт мировой литературы младшим научным сотрудником. Изданием и комментированием наследия поэта Евгений Борисович занимается вместе с женой, Еленой Владимировной, внучкой знаменитого философа Густава Шпета.

Евгений Пастернак: «Для меня в жизни было главное видеть моего отца, разговаривать с ним» (на фото — с женой Еленой Пастернак) Фотограф: Владимир Суворов/Газета

Е.Б.: Я был моложе, и собрание вариантов действительно было моей работой. Я обследовал государственные архивы и знакомился с теми людьми, у кого есть какие-то рукописи, и с их согласия копировал возможным тогда способом — где фотографировал, а где просто от руки. Это не значит, что мы что-то коллекционировали, наборот...

Возникали ли какие-то особые проблемы, связанные с поисками рукописей? Ведь все они находились в разных местах...

Е.Б.: Существует главное правило: любой автограф не дашь перепечатывать машинистке, поэтому все переписываешь от руки или фотографируешь. В государственных хранилищах фотографировать или ксерокопировать тогда было нельзя, поэтому все делалось от руки. Потом этот текст перепечатывался на машинке. Мы обращались к ныне недоступному семейному архиву Евгения Семеновича Левитина — Евгении Семенович умер, а бумаги сейчас неизвестно у кого.

Е.В.: Много интересных материалов было у Лилии Брик. Она просто позвала нас к себе, и мы сидели у нее вдвоем и копировали в четыре руки.

Е.Б.: У нее была рукопись «Сестры мой — жизни», которую нам дали сфотографировать. Фотоработы помогал делать замечательный человек — Давид Израилевич Лев, один из пионеров микрофильмирования в России. Он отсидел двадцать пять лет, а потом создал уникальную фотолaborаторию при технической библиотеке, которая была на площади Ногина, а теперь переехала в Новосибирск. Я носил туда данные мне на время рукописи. Тогда было сделано около 40 тысяч кадров. Потом стало возможно ксерокопирование. Так были скопированы письма отца, которые находятся в Оксфорде, в семьях моих тетушек Жозефины и Лидии. Так мы сделали двухтомник переписки Бориса Пастернака с родителями и сестрами.

Е.В.: Сорок писем, которые Борис Леонидович писал своему американскому издателю Курту Вольфу, мы получили из немецкого архива города Марбха. Сейчас Евгений Борисович переводит их на русский.

Е.Б.: Я как-то приспособился переводить целые тексты, сохраняя близкий ему стиль и лаконизм русского языка.

Е.В.: Это сложно, потому что по-немецки, по-английски он писал по-другому, а в книге это должно быть похоже на пастернаковский язык.

Были ли рукописи, которые считались потерянными, а в процессе поисков нашлись?

Е.Б.: Стихи футуристического периода были у Сергея Павловича Боброва. Сейчас они находятся в архиве покойного Льва Озерова, и счастье, что мы смогли вовремя сделать с них копии. Архив критика Таранковского сейчас находится в Иельском университете, но, к счастью, опубликован. По началу любое соприкосновение с документом было для нас новостью. Мы считали, что отец продолжает писать для нас новые тексты. Сейчас это уже редкая случай-

Если у вас уже были основательные заготовки по биографии Пастернака, почему предисловие вы поручили Лазарю Флейшману?

Е.Б.: Это сделало издательство. Предисловие Лазаря Флейшмана не биографическое, а концептуальное. Это очень важно. Именно этот текст должен быть предисловием, по мнению издательства, и я с этим согласен.

Нужно было сказать о писателе в целом. Е.В.: Мы предлагали свою статью, которая была написана для другого издания — ста томов пушкинской библиотеки того же «Слова». Оно не было предназначено для продажи и пошло в провинциальные библиотеки.

Е.Б.: Главный редактор издательства решил, что раз будет биография, то биографический текст должен составить отдельный том и поэтому предисловие должно быть концептуальным, а говорить о своем отце как о гениальном поэте несколько неловко.

Каждый поэтический сборник и каждое произведение внутри сборника имеют свой текстологический и историко-литературный комментарий. Вам пришлось его дорабатывать или большинство материалов уже было заготовлено?

Е.Б.: Писать надо было. Когда появляется свободный объем для комментирования, комментарий надо сочинять заново. Это и делает Елена Владимировна.

Е.В.: В предыдущих популярных изданиях не нужно было библиографической сноски на первую публикацию, на изменение вариантов при разных публикациях. Сейчас заново подбирались и компоновались разного рода библиографические ссылки, которые могут помочь чтению стихотворения: сопоставление его с каким-то прозаическим местом того же Пастернака или с каким-то биографическим фактом, нашедшим отражение в этом стихотворении. Для ранних допечатных стихов, так называемых «Первых опытов», такие комментарии были сделаны Юрием Михайловичем Лотманом и впервые опубликованы в тартуском сборнике. Мы выбрали из его статьи такие комментарные примечания. Эти вещи очень хотел делать Михаил Леонидович Гаспаров в Институте мировой литературы, когда задумывали академическое собрание, но нам всегда казалось, что самое главное — объяснить изнутри, психологически, биографически возникновение какого-то стихотворения. А в современной науке модно искать предшествующие текстовые параллели.

Интертекст?..

Е.В.: Да, и на этом работа совершенно увязла. Это материал неохватный, и никто не может его собрать и убедительно доказать, что эти слова стали предшественниками такого-то строк Пастернака.

Е.Б.: Исключая места, которые очевидны, например «черная весна» — образ Иннокентия Анненского или пушкинское «Я вас любил...»

То есть прямые цитаты?

Е.Б.: ...Нарочно Пастернаком взятые. Он не прятался от обращений к чужому тек-

ция стихотворения, где работа над ним достигла своего максимума и завершения.

Е.В.: Борис Леонидович не мог сделать полного собрания сочинений, но подготовкой к нему было издание 1933 года. Оно должно было стать первым томом собрания, которое потом запретили. Все вещи, написанные до этого времени, мы давали по этой редакции. Несмотря на то что потом, в 1945-м или 1956-м, возникли другие редакции. Там они наиболее полные — в последующих изданиях он их сокращал и приспособлял для времени.

Е.Б.: С прозой дело обстояло проще.

В РГАСИ хранится наборная правка последних вариантов «Короткой прозы», а по тексту «Доктора Живаго» исчерпывающее исследование было проведено покойным Вадимом Михайловичем Борисовым, который нашел, что последний вариант, вычитанный Пастернаком, был им подарен Ариадне Сергеевне Эфрон и сейчас принадлежит Вячеславу Всеволодовичу Иванову. Этот вариант и был принят за окончательный. Текст установлен самим автором, найден и повторен в издании «Нового мира» 1988 года. Он отличается от итальянского издания вариантами отдельных слов, но их около тысячи. Огромную работу проделала графиня Жаклин де Пруайяр, которая по просьбе Пастернака сверила первые — голландское и миланское — издания с рукописью, данной ей Пастернаком, и припала список опечаток палочке; но он уже не мог просмотреть его.

Я вижу, что в первом томе поэтические сборники «Близнецы в тучах» и «Поверх барьеров» вы вынесли в приложение. Почему?

Е.Б.: Эти два сборника подверглись перепечатке изнутри, психологически, биографически возникновение какого-то стихотворения. А в современной науке модно искать предшествующие текстовые параллели.

Сборник как единый текст?

Е.Б.: Да, как сделанная и доведенная до конца работа.

В разделе редакций и вариантов приводятся неизвестные ранее эпизоды из поэмы «Лейтенант Шмидт» и «Спекторский». Почему поэт от них отказался?

Е.Б.: Первоначальная редакция «Лейтенанта Шмидта» была послана им на суд Марине Ивановне Цветаевой, и она раскритиковала бытовые, юмористические, недостаточно высокогероические фрагменты. Это есть в их переписке 1926 года. И отец сократил текст «Лейтенанта Шмидта» на треть, выбросив эти места. Журнальный вариант поэмы подвергся коренной переработке перед печатанием в издательском издании. Мы это учили и подробно изложили в комментарии. Что до «Спекторского», он писался очень долго: с 1924-го по 1931 год. Менялось время, положение автора, замысел. Он читал его в разных местах разным людям и учитывал их мнения, но дело даже не в этом. Главное в том, что он нашел новое композиционное решение: женщину, близкую по духу и складу Марине Цветаевой, — Марию Ильину. Это